

Не печалуюсь нимало,
но отвлекшись от забот,
проводили мою маму
дождик, солнышко, народ.

Проводили, хлопотнувши:
кто — усами, кто — губой
по-над прядкою потухшей
и над крышкой гробовой...

Отмантулив на державу
вымирающих идей,
как она тогда лежала
меж цветочков и людей,

как светил ей берег дальный,
славя инобытие,
как мы в спальне коммунальной
обревелись за нее,

как мы к ней тогда припали,
как испачкались в земле,
как локтями посшибали
ложки-вилки на столе...

Гадом буду — не забуду,
как малиновый пенал,
на могильную остуду
налетев, затрепетал...

Не забуду — буду гадом,
как, лопатами звеня,
наповал могильным смрадом
смерть ударила в меня...

И хотя мы пили мало,
но под утро началось:

в небе — мама, в горле — мама...
птичья лапка, рыба кость...

Вот и лажу телеграмму,
телеграфных злючек зля:
«Мама, ты и правда мама —
небо, солнышко, земля.

Ибо враз, на всякий случай —
разноцветною гурьбой
мчат по жизни неминучей
все, рождённые тобой:
ветер, листья, дождик, тучи,
донник, клевер, зверобой...»

чесотка воздуха: прыть комаров; склероз
свекольных листьев; в небе — не чело ли
грозы минувшей? ветер под стрекоз
изрыт шмелем и навощен пчелою;
пугливые бурундуки; с руки
кормящиеся сойки и синицы;
живущие в озерах рыбаки:
кто — по ключицы, кто — по ягодицы;
коровы — в травах, девки — в сапогах,
их попы в можжевельных иголках
горят мужьям, блуждающим в лесах
с росой в паху и грудью — в перепелках...

сначала — солнцу, а потом — луне:
одни — плечо, другие кажут очи,
но главное, что всяк при тишине,
по наущению Господа — проточной,
а коль петух под маковку взлетит,
дабы в крыла ударить, как в ладоши,
то этим самым только подтвердит,
что мир хорош, и мир его — хороший...

...и не за то, что куролесил, не
за то, что падок был на угощенья
в чужих домах — за ласточку в окне,
за тень ее в строке прошу прощенья;

и не за то, что пусто на столе
и в кошельке нисколько не осталось —
за тень в саду, за листья на земле,
за ту строку, в которой им дышалось;

и не за то, что мог бы стать другим,
с другой работой и иной зарплатой —
за то, что я не дом сложил, а дым,
чей дальний путь тщетой перезаплапан,

за то, что он летит над нами, за
и то, что гасит свет, и что теснима
им ласточка, и ты во все глаза
ревешь им вслед и думаешь — от дыма...

Пристанционный сквер: и та скамья, и эта
где птичке подпоет, где перейдет на плач...
А на одной из них — вчерашняя газета,
в помаде и росе, с программой передач.

Программа передач: дырявые полоски
малосъедобных слов с цифирью на боку:
еще не докричал Владимир Жириновский,
уже Боярский спел свое «мерси боку...»

Что может быть грустней, чем кадров мельтешенье
на кухоньке твоей, где разноцветный чай,
заваренный тобой, мое воображенье
выводит в этот сквер — прости меня, прощай.

И вот я слышу: ветер. И вот я вижу: мама
присела на скамью, где, в капельках дождя,
минувших выходных концертная программа:
«Кантата о вожде», «Симфония вождя»...

Что может быть горчей, чем человек советский
со словом о вожде на пункте передач!..
Ах, если б только знал об этом Дунаевский,
как Достоевский... Ах, и Лебедев-Кумач...

И вот я слышу: сад. И вот я вижу: сада
набухшая зарёй сиреневая щель —
о сорока крылах парящая эстрада,
и клюв её — гобой, а глаз — виолончель;

и там, где вскрикнет альт, там запыхают скрипки,
и в пламени флейтист, и литаврист в огне...
Ещё не умер Бах, уже родился Шнитке,
и не в экране суть, а может быть, в окне.

Гляди, гляди в окно — там человек печали
пересекает сквер, неслышимый... А вдруг

наш Иоанн не прав, и всё-таки в начале,
когда явился Бог, он величался звук?

И вот я вижу: свет, и понимаю: годы
не ведал я, что он есть звук, что смех и плач
заглядывают в нас, как наш Спаситель — в воды,
как многие из нас в программу передач...

Что искать ходили вы в пустыню?
Матфей

— Что искать ходили вы в пустыню?

— Трещину на храме Соломона,
пристипому рыбаля Ионы,
тростники из сада Дидерота...

— Кто повыкликал вас из пустыни?

— Тишина разрушенного храма,
суета разбросанных барханов,
белые одежды Иоанна...

— Что вы принесли нам из пустыни?

— Трещину для будущего дома,
косточку для будущей вечери,
горсть заноз для будущих распятий,

воздух, возведенный для Мессии...

Влажное скончанье лета —
в роше, в тамбуре, в лукошке,

мерное скончанье света
по-над полем и в окошке;

снежное скончанье века —
сонм снежинок на конверте:
продолженье человека
после всхлипа, после смерти...

